СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LII, № 5.

КЪ ВОПРОСУ
О
ДРЕВНЕРУССКИХЪ СКОМОРОХАХЪ.

А. И. Кирпичникова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
4·3 ★
1891.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1891 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ*.

Несмотря на все, что сдѣлано по вопросу о древнерусскихъ скоморохахъ, нѣкоторые весьма важные пункты его остаются до сихъ поръ темными и прежде всего самое происхожденіе слова. Акад. Веселовскій на стр. 179 и слѣд. своихъ Разысканій въ области русск. дух. стиха VI — X приводитъ всѣ достойныя вниманія этимологическія данныя для его объясненія, обставляя ихъ новыми и весьма цѣнными фактами. Не вполнѣ довольный Шафариковымъ производствомъ скомороха отъ Σκαμάρεις, scamari — да и какъ имъ удовольствоваться, когда оно не объясняетъ страннаго суффикса-*х* и требуетъ перехода значенія, положимъ, возможнаго, но не вполнѣ обычнаго? — акад. Веселовскій предлагаетъ другую гипотезу: *скамарасъ* отъ μασχαρὰς [1]) черезъ посредство метатезы; но онъ оставляетъ ее съ вопросительнымъ знакомъ. Эта гипотеза удачнѣй Шафариковой, такъ какъ значеніе вполнѣ подходитъ; но и на ней нельзя успокоиться какъ потому, что всѣ этимологіи посредствомъ слоговой метатезы опасны, такъ и потому, что изъ *скамарасъ* не особенно легко произвести *скомрахъ*, pl. *скомраси*; а «загадочные» *самардаки* не даютъ никакой точки опоры.

Рѣшаюсь предложить еще одну этимологію, тоже только въ видѣ гипотезы; противъ нея ничего нельзя сказать со стороны значенія и очень немногое со стороны фонетики; за нее говоритъ и простота ея. Отчего не производить *скомрахъ* отъ σκῶμμα —

1) Μασχαράς — ludio, scurra, откуда μασχαρεύεσθαι, scurram agere.

шутка [1]) и ἄρχω начальствую, изъ σκωμμάρχης — *скоммархъ, скомрахъ?* На это можно, конечно, возразить, что σκῶμμα, σκώμματος должно бы дать σκωμματάρχης; но не трудно указать длинный рядъ словъ, въ которыхъ этотъ суффиксъ пропадаетъ при сложеніи; какъ στομαλγέω, στομαλγής, στομαλγία, στομαχάκη, στομαλίζομαι, στομαλίμνη, στομαργος, σωμασκέω, σωμαλειπτέω, στομαμανικόν (Ducange) и т. д.

Въ знаменитой 72 гл. Церемоній Константина [2]) употреблено слово, происходящее отъ того же глагола σκώπτω, изъ котораго я желалъ бы вывести скомороха: тамъ говорится, что наканунѣ *вота*, когда Венеты и Прасины сходятся по своимъ димамъ, димархи ихъ стоятъ внизу, λέγοντες σκωπτικὰ πρὸς ἀλλήλους — пересмѣивая другъ друга. Какъ изъ того, что эти пересмѣшки ихъ попали въ Церемоніи, такъ и изъ послѣдующихъ словъ текста — эти перебранки соединены съ дѣловыми разговорами о томъ, ὅσα δεῖ ἐκτελεῖν τῇ ἑσπέρᾳ ἐκείνῃ, видно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ чѣмъ-то обрядовымъ, стариннымъ. Рейске видитъ въ этомъ (см. его комм. къ этому мѣсту) остатокъ древнегреческихъ сатирическихъ игръ.

Отъ того же гл. σκώπτω въ византійское время употребляется не только слово σκώπτης — пересмѣшникъ, передразнивающій (оно дожило и до настоящаго времени), но и fem. σκώπτρια; эта послѣдняя форма употребляется у Прокопія въ Anecd. въ такой обстановкѣ, которая невольно напоминаетъ нашихъ скомороховъ. Разсказывая молодость императрицы Ѳеодоры (гл. 9, 10 и 12) [3]), онъ говоритъ: Εἶτα τοῖς μίμοις τὰ ἐς τὸ θέατρον

---

1) Thesaur. gr. linguae s. v. Plato Reipubl. 5, 452: Οὐ φοβητέον τὰ τῶν χαριέντων σκώμματα, Demosth.: Τὸ πρᾶγμα εἰς γέλωτα καὶ σκώμματα ἐμβαλεῖν. Xen. Cyrop. 2, 2, 28: σκώμματος ἦρχε-cavillo uti coepit. Plut. Pericl. 33: Πολλοὶ δ' ἤδον ᾄσματα καὶ σκώμματα πρὸς αἰσχύνην. Demetr. Phal.: Φευξούμεθα τὰ σκώμματα ὥσπερ λοιδορίας. Plut.: Σκῶμμα καὶ παιδιὰ καὶ τὸ γελάσαι πολλοὺς εἰς ὀργὴν καθίστησι и т. д.

2) По Боннскому изд. стр. 360.

3) Grysar. Der römische Mimus. Sitzungsber. d. k. Ak. d. Wiss. 12. 1854 г., стр. 311.

πάντα ὡμίλει καὶ τῶν ἐνταῦθα ἐπιτηδευμάτων μετεῖχεν αὐτοῖς γελωτοποιοῖς τισι βωμολοχίαις ὑπηρετοῦσα. ἦν γὰρ ἀστεία διαφερόντως καὶ σκώπτρια, ἀπόβλεπτός τε ἐκ τοῦ ἔργου εὐθὺς ἐγεγόνει. οὐ γάρ τινος αἰδοῦς τῇ ἀνθρώπῳ μετῆν ἢ διατραπεῖσάν τις αὐτὴν πώποτε εἶδεν, ἀλλ' εἰς ἀναισχύντους ὑπουργίας οὐδεμιᾷ ὀκνήσει ἐχώρει, καὶ τοιαύτη τις ἦν οἵα βαπτιζομένη μέν τε καὶ κατὰ κόρρης πατασσομένη χαριεντίζειν τε καὶ μέγιστα ἀναπαγχάζειν, ἀποδυσαμένη τε τά τε πρόσω καὶ τὰ ὀπίσω τοῖς ἐντυγχάνουσι γυμνὰ ἀποδεῖξαι, ἃ τοῖς ἀνδράσι θέμις ἄδηλά τε καὶ ἀφανῆ εἶναι.

Припомнимъ то, что Олеарій говоритъ про нашихъ скомороховъ XVII в.[1]) Les vielleurs en (изъ неприличныхъ анекдотовъ, которые, по его словамъ, были въ такомъ ходу въ русскомъ обществѣ) font des chansons, et leurs charlatans et saltimbanques les represéntent publiquement et ne craignent point de se découvrir le derrière et quelquefois tout ce qu'ils portent devant tout le monde»[2]).

Самая слабая сторона такой этимологіи, по моему мнѣнію, въ томъ, что мы не можемъ указать ни слова σκωμμάρχης, ни даже строгоограниченнаго понятія, которое выражало оно, ни въ одномъ византійскомъ памятникѣ. Но много ли знаемъ мы про внутреннюю жизнь Византіи въ X—XII вѣкахъ?

Какова бы ни была этимологія слова *скоморохъ*, я убѣжденъ, что люди, называвшіеся этимъ именемъ, явились на Руси, какъ продуктъ вліянія на нее чуждой цивилизаціи и первоначально цивилизаціи византійской, причемъ немедленно слились съ элементомъ «народнаго обычая». Немного позднѣе къ намъ проникаютъ шпильманы западные въ своемъ «кротопольномъ» костюмѣ, и къ періоду московскому изъ этихъ двухъ пришлыхъ и одного туземнаго элемента образуется такая же интересная амальгама, какъ и русская былинная поэзія и стиль русскихъ церквей.

---

1) Цитирую его по франц. изд. въ Амстердамѣ 1727 г., стр. 214.

2) Ср. приведенную у акад. Веселовскаго цитату изъ Summa de penitenti: vel denudando corpora sua turpiter.

Къ даннымъ о византійскихъ потѣшникахъ, которыя приведены у акад. Веселовскаго, я позволю себѣ прибавить нѣсколько фактовъ, можетъ быть не безъинтересныхъ для будущихъ изслѣдователей.

Ак. Веселовскій, конечно, правъ, утверждая, что въ византійскомъ, какъ и въ германскомъ мірѣ церковь являлась открытымъ врагомъ потѣшника, актера и считала его занятіе крайне грѣховнымъ [1]); но тѣмъ любопытнѣе указанія на то, что даже и въ суровой Византіи представители и представительницы этого презрѣннаго сословія охотно принимались въ монастыри и даже могли занимать тамъ выдающееся положеніе. Приведу два такихъ указанія.

Въ житіи св. Авксентія мы читаемъ: «И такъ потомъ и другія приступали къ этому дѣлу (монастырскому сожительству, основанному святымъ), однѣ побуждаемыя на храненіе дѣвства благородными родителями, другія изъ свиты театральной, отъ дьявола отказавшіяся, такъ что въ недолгое время ихъ собралось свыше семидесяти, и наконецъ блаженный велѣлъ выстроить имъ молитвенный домъ» [2]).

Другое болѣе любопытное указаніе находится въ житіи Матроны [3]). Святая, скрывшись отъ мужа, проживаетъ въ мужскомъ монастырѣ подъ именемъ евнуха Вавилы. Наивные монахи такъ и считаютъ ее евнухомъ; но между ними оказался одинъ по имени Варнава, *недавно* бывшій актеромъ на сценѣ, потомъ поступившій въ монастырь и за добродѣтель свою *получившій надзоръ надъ монахами* [4]). Его любопытный и опытный глазъ во время

1) Стр. 152.

2) Metaphras. ed. Migne I, 1432. Ἐκ τότε οὖν καὶ ἕτεροι λοιπὸν προσίεσαν τῷ πράγματι, αἱ μὲν ὑπὸ εὐγενῶν γονέων ἐπὶ φυλακῇ τῆς παρθενίας προσαγόμεναι, αἱ δὲ ἐκ τῆς τῶν θεάτρων πομπῆς τῷ διαβόλῳ ἀποτασσόμεναι, ὡς ἐν ὀλίγῳ καιρῷ ὑπὲρ τὰς ἑβδομήκοντα συναχθῆναι καὶ λοιπὸν προτραπῆναι τὸν μακάριον εὐκτήριον οἶκον αὐταῖς οἰκοδομῆσαι.

3) Metaphr. III, 925.

4) Βαρνάβας αὐτῷ ὄνομα, περιεργότερον ἐπιβαλὼν τὴν ὄψιν αὐτῇ, ἅτε πρὸ μικροῦ τῷ τῶν μοναχῶν βίῳ ἀπὸ τῆς σκηνῆς προσελθὼν καὶ εἰς ὕστερον προκόψας εἰς ἀρετὴν καὶ τὸ καθηγεῖσθαι τῶν μοναχῶν ἐπιστεύθη...

братской работы въ саду замѣтилъ дырочки въ ушныхъ мочкахъ молодого евнуха, и онъ спросилъ Вавилу, зачѣмъ у него проткнуты уши. У святой уже былъ на готовѣ ловкій отвѣтъ, и на этотъ разъ тайна ея не была обнаружена.

Кстати изъ того же III тома Метафраста по изд. Миня, но изъ памятника значительно древнѣйшаго (VII в.) позволю себѣ привести еще одно мѣсто не безъинтересное для исторіи византійскаго театра. Въ сборникѣ чудесъ Димитрія Солунскаго, надписанномъ именемъ Іоанна Солунскаго, въ гл. 120 (стр. 1296) вотъ что разсказывается про архіепископа Евсевія: «За 18 дней до того, какъ разразились надъ нами тучи варварскія, видитъ архіепископъ во снѣ, будто сидитъ онъ *въ городскомъ театрѣ*, въ присутствіи большой толпы народу, и когда онъ недоумѣвалъ, чего ради онъ попалъ въ столь несоотвѣтствующее его достоинству мѣсто [1]) и хотѣлъ, вставши, уйдти, онъ видитъ, что *трагодъ* взошелъ на мѣсто, называемое театральнымъ *логіемъ* [2]), и говоритъ ему: «останься, такъ какъ я буду пѣть печальную пѣснь тебѣ и твоей дочери» [3]). Тотъ же отвѣчалъ: «не трудись: у меня и дочери нѣтъ, да и мнѣ не нужно твоей печальной пѣсни». Говоритъ ему трагодъ: «Дочь ты навѣрно имѣешь и весьма многочадную и вмѣстѣ съ ней и тебя надо воспѣть». Тогда понялъ архіепископъ, что дочерью его онъ называетъ городъ».

Отсюда слѣдуетъ во 1-хъ, что въ то время духовенство не посѣщало театровъ, во 2-хъ, что въ городскихъ театрахъ между прочимъ происходило пѣніе стихотвореній на современныя темы, т. е. чего-то въ родѣ тѣхъ куплетовъ, которые поются теперь въ парижскихъ кафешантанахъ.

Въ константинопольскомъ ипподромѣ были клоуны, представ-

---

1) Τίνος χάριν ἐν οὕτως ἀναρμοδίῳ τόπῳ τῆς ἀξίας αὐτοῦ καθέζεται.

2) ὁρᾷ τραγῳδὸν εἰσερχόμενον ἐπὶ τὸ καλούμενον τοῦ θεάτρου λόγιον — слѣдуетъ читать λογεῖον, т. е. просценіумъ.

3) ὅτι σὲ καὶ τὴν θυγατέρα σου ἔχω τραγῳδῆσαι. Τραγουδεῖν значитъ и просто canere, cantum edere, modulari (см. Du Cange s. v.); но здѣсь, судя по контексту, считаю болѣе вѣроятнымъ данный мною переводъ.

лявшіе цѣлыя сценки обыкновеннаго сочиненія, которыя иногда имѣли такое близкое отношеніе къ дѣйствительности, что напоминали вольности древней аттической комедіи, какъ это видно изъ слѣдующаго любопытнаго разсказа такъ называемаго Анонима Бандурія (этотъ разсказъ почти дословно повторенъ и у Кодина).

«Пресвятую Богородицу корабельную построилъ Михаилъ, убитый (впослѣдствіи) Василіемъ. Назвалась же она такъ вотъ по какой причинѣ. Во времена Θеофила, отца его, была одна женщина вдова. Препозитъ Θеофила по имени Никифоръ отнялъ у нея большой корабль. Она нѣсколько разъ подавала прошеніе Θеофилу, но оставалась безъ удовлетворенія, такъ какъ дѣло останавливалъ самъ препозитъ. Въ отчаяніи она обратилась къ нѣкоторымъ изъ *забавниковъ* ипподрома, и они обѣщали ей устроить дѣло черезъ нѣкоторую хитрость. Эти забавники, сдѣлавши корабликъ въ формѣ судна съ парусомъ и поставивши его въ телѣжку на колесахъ, во время ристанія остановились передъ царской стамой, крича одинъ другому: Разинь ротъ, проглоти его! А тотъ (къ кому эта рѣчь обращалась) отвѣчалъ: Не могу я этого сдѣлать. А другой ему возражалъ: — препозитъ Никифоръ корабль вдовы проглотилъ, а ты этого съѣсть не можешь [1]). Императоръ не-

1) Τὸ δὲ Καραβίττιν τὴν ὑπεραγίαν Θεοτόκον ἔκτισε Μιχαὴλ ὁ ἀναιρεθεὶς ὑπὸ Βασιλείου. ἐκλήθη δὲ οὕτως διὰ τοιαύτην αἰτίαν. χήρα γυνὴ ἦν ἐν τοῖς χρόνοις Θεοφίλου τοῦ πατρὸς αὐτοῦ. ὁ δὲ πραιπόσιτος τοῦ Θεοφίλου ὀνόματι Νικηφόρος ἁφῆρπασε κουμπαρίαν (вар. βάρκαν) τῆς χήρας εὐμεγέθη. ἥτις πολλαχόσε δεηθεῖσα Θεοφίλου τοῦ βασιλέως ἔμενεν ἀδιοίκητος διὰ τὸ κωλύεσθαι ὑπὸ τοῦ αὐτοῦ πραιποσίτου. ἡ δὲ ἀπορήσασα παρεκάλεσέ τινας τῶν παιγνιωτῶν τοῦ ἱπποδρομίου καὶ ὑπέσχοντο αὐτῇ διά τινος μηχανῆς διοικηθῆναι. ποιήσαντες δὲ οἱ αὐτοὶ παιγνιῶται κουμπαρίαν μικρὰν ἐν σχήματι πλοίου μετὰ ἁρμένου καὶ θέντες αὐτὴν ἐπὶ ἁμάξης μετὰ τροχῶν γενομένου ἱππικοῦ ἔστησαν ἔμπροσθεν τοῦ βασιλικοῦ στάματος φωνοῦντες ἀλλήλοις, Χάνε κατάπιε αὐτό. τοῦ δὲ ἀντιλέγοντος, οὐ δύναμαι τοῦτο ποιῆσαι, πάλιν ἔφη ὁ ἕτερος, ὅτι ὁ πραιπόσιτος Νικηφόρος τῆς χήρας τὸ πλοῖον κατέπιε καὶ σὺ οὐκ ἰσχύεις φαγεῖν τοῦτο, и т. д. Ducange (s. v.) къ слову παιγνιῶται приводитъ выписку изъ Cod. de Offic. Pal. 6, 29: μεταξὺ δὲ τούτων δὴ τῶν τοῦ κλήρου καὶ αὐτῶν δὲ τῶν φλαμούλων ἵστανται πάντες οἱ λεγόμενοι παιγνιῶται, ἤτοι σαλπικταί, βουκινάτορες, ἀναχαρισταὶ καὶ σουρουλισταί. Слово σχηνικός объясняется δημόσιος παιγνιώτης.

медленно разслѣдовалъ дѣло, и препозитъ былъ сожженъ тутъ же въ Сфендонѣ.

На клоуна Зинзифитза, который при Никитѣ Хоніатѣ импровизировалъ комическіе куплеты, могущіе поразить слушателя въ «самую душу», я указывалъ уже въ другомъ мѣстѣ [1]).

Если есть возможность указать мимовъ или клоуновъ въ ипподромѣ въ VI (Θеодора), IX и въ концѣ XII в., то мы можемъ съ нѣкоторою увѣренностію заключить, что они существовали все время, пока стоялъ ипподромъ [2]). Позволяя себѣ обобщить вышеприведенныя указанія, мы имѣемъ основаніе предположить, что они забавляли публику представленіемъ комическихъ сценъ и пѣніемъ куплетовъ, которые отъ невинной шутки доходили до рѣзкаго обличенія и политической сатиры. Византійцы вовсе не были такими суровыми и тупосерьозными формалистами, какими они любили представлять себя передъ иностранцами во время торжественныхъ пріемовъ и какими ихъ представляли прежде историки. Въ нихъ былъ, конечно, элементъ азіатской важности и неподвижности; но вѣдь въ нихъ же кровь эллиновъ и традиціи живого, остроумнаго народа, постоянно подновляемыя школою и чтеніемъ. Я напомню одинъ только фактъ очень характерный, какъ два сановника выразили публично свою радость по поводу провозглашенія императоромъ ихъ милостивца Андроника: «Сбросивъ съ себя сенаторскіе головные покровы и взявшись за висѣвшіе на стѣнѣ бѣлольняные плащи, они распустили ихъ на подобіе шаровъ, составили изъ простонародья хороводъ и, принявъ надъ нимъ начальство, стали пѣть на пріятный и мѣрный напѣвъ, выпрыгивали впередъ и, сводя руки какъ бы для рукоплесканій, слегка потрясали ногами, кружились по серединѣ и,

---

1) Гдѣ взять матеріалы для исторіи византійской литературы? Ж. М. Н. Пр. 1869 г. Май.

2) Такимъ образомъ утвержденіе Grysar'a, что «von kürzerer Dauer war der Fortbestand der mimischen Komödie im oströmischen Reiche» (o. c. 336) можетъ быть принято только съ очень большимъ ограниченіемъ, и 51 правило Трулльскаго собора оказывается мало вліятельнымъ.

сопровождая свою пляску пѣніемъ и кликами, колотили землю» [1]). Люди, способные такъ скоморошествовать на улицѣ, могли ли обойтись безъ скомороховъ въ своихъ общественныхъ увеселеніяхъ и во дворцахъ своихъ?

Изъ дворцовыхъ шутовъ-скомороховъ я назову исторически извѣстное лицо Грилла (Γρῦλλος) при Михаилѣ III [2]); этотъ Гриллъ всегда игралъ роль патріарха въ шутовскомъ маскарадѣ, которымъ любилъ забавляться его властитель.

Не былъ-ли шутомъ и горбатый Фирміліанъ, статую котораго, поставленную πρὸς γέλωτα, два раза упоминаетъ Анонимъ Бандурія? [3]).

Приведу еще одно указаніе на византійскихъ мимовъ-скомороховъ, до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, не привлекавшееся къ дѣлу; памятникъ, изъ котораго я беру его, положимъ, переводный, но при недостаткѣ матеріала любопытно уже въ немъ самое употребленіе слова μῖμος, да и къ тому же переводъ здѣсь вольный: въ него легко могли попадать черты изъ быта того народа, для котораго онъ предназначался. Я разумѣю Исторію философа Синтипы [4]). Въ 4-мъ разсказѣ 8 дня говорится о томъ, какъ наивный купецъ попалъ въ передѣлку къ мошенникамъ мимамъ и какъ онъ перехитрилъ ихъ съ помощію умной и доброй старухи. Здѣсь оказывается, что мимы занимаются исключительно надувательствомъ и при этомъ составляютъ правильно организованную шайку, которая имѣетъ своего «профессора и учителя, всѣхъ другихъ превосходящаго своимъ коварствомъ» [5]). Отъ ихъ *настоящаго* занятія у нихъ только остался особый костюмъ, отличающій ихъ отъ другихъ гражданъ: купецъ, желающій неуз-

---

1) Никита Хоніатъ, русск. пер. I, 347.

2) Theophanes Contin. Bonn. 244 и passim.

3) § 114 и § 244.

4) По изд. Eberhard'a: Fabulae romanenses graece conscriptae I. Lipsiae MDCCCLXXII, стр. 101 и слѣд.

5) οἱ τοιοῦτοι μῖμοι ἔχουσί τινα καθηγητὴν καὶ διδάσκαλον, ὅστις τῇ πονηρίᾳ τῶν ἄλλων πάντων ὑπερέχει καὶ νικᾷ ἅπαντας (104).

наннымъ проникнуть къ ихъ учителю, долженъ переодѣться по ихнему [1]).

Извѣстно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ бродячимъ разсказомъ, въ другихъ редакціяхъ котораго вмѣсто мимовъ являются *черти*, отдающіе ежедневный отчетъ сатанѣ, и *разбойники*, рапортующіе своему начальнику. Обѣ параллели не безъинтересны для исторіи византійскаго скоморошества.

Я уже окончилъ эту часть моей статьи, когда, благодаря любезности акад. А. Н. Веселовскаго, получилъ наконецъ возможность воспользоваться книгой Саѳы: Ἱστορικὸν δοκίμιον περὶ τοῦ θεάτρου καὶ τῆς μουσικῆς τῶν Βυζαντίνων, представляющей массу интереснѣйшихъ данныхъ, часто въ первый разъ привлеченныхъ къ дѣлу, но къ сожалѣнію не всегда критически очищенныхъ и неискусно расположенныхъ. Послѣ чтенія книги Саѳы вышеприведенное утвержденіе Гризара, что мимическія представленія въ восточной имперіи существовали недолго, является лишеннымъ всякаго основанія; если Саѳа и дѣлаетъ кое-гдѣ натяжки, относя къ профессіональнымъ мимамъ и клоунамъ (γελωτοποιοί) то, что строго говоря свидѣтельствуетъ только о веселомъ элементѣ въ толпѣ народной, или считая «сценичными», т. е. для сцены написанными діалоги, сочиненные для чтенія, то съ другой стороны онъ приводитъ столько несомнѣнныхъ фактовъ, доказывающихъ существованіе мимовъ въ прежнемъ или слегка измѣненномъ значеніи во время Комненовъ и даже во время Палеологовъ, что отвергать возможность исторіи византійскаго театра и даже спеціально комедіи — съ этихъ поръ положительно немыслимо. Книга Саѳы даетъ массу интересныхъ указаній и для исторіи литературы латинскаго запада, и для уясненія нѣкоторыхъ вопросовъ нашей духовной жизни. Правда, многими изъ этихъ указаній по-

1) ἐγερθεὶς ἄλλαξόν σου τὸ σχῆμα καὶ τὸν ἑαυτόν σου ποίησον ὡς ἕνα τῶν μίμων, φορέσας καὶ ἱμάτια ὅμοια, говоритъ купцу старуха (105).

ка еще трудно пользоваться, такъ какъ они нуждаются въ лучшей ученой «обстановкѣ»[1]); правда, что три четверти книги Саѳы говорятъ о театрѣ до Юстиніана, а эпоха македонской династіи, когда Византія главнымъ образомъ культурно колонизировала южныхъ славянъ и нашихъ предковъ, обработана у него сравнительно слабо; но всего труднѣй первые шаги, такъ сказать — первые удары заступомъ въ неразрыхленную землю, а то, что сложилось до Юстиніана, непремѣнно имѣетъ вліяніе на все послѣдующее тысячелѣтіе и на всѣхъ, кто подвергался культурному вліянію Византіи когда бы то ни было [2].

Саѳа воспользовался указаніемъ житія Авксентія на монахинь, поступавшихъ въ монастырь со сцены, и обставилъ его массой другихъ подобныхъ. Онъ два раза (стр. 14—15 и стр. 400) поминаетъ разсказъ о «корабликѣ» на ипподромѣ [3]), но беретъ его изъ Кодина, а не изъ Анонима Бандурія (извѣстно, что второй есть оригиналъ перваго) и дѣлаетъ неоправдываемую фактами прибавку [4]). Эпизоды же въ житіи Матроны и въ чудесахъ Димитрія Солунскаго, повидимому, ускользнули отъ его вниманія [5]).

Изъ того, что въ книгѣ Саѳы имѣемъ непосредственное

---

1) Таковъ напр. въ высшей степени важный вопросъ о византійской литургической драмѣ; Саѳа по крайней мѣрѣ впятеро увеличилъ количество данныхъ относительно ея, но все же ихъ еще слишкомъ мало для того, чтобы получить объ ней болѣе или менѣе ясное понятіе. Тѣмъ не менѣе, разъ признано ея существованіе, мы, чтобы уяснить происхожденіе нашихъ древнѣйшихъ «дѣйствъ», должны прежде всего обращаться къ ней.

2) Послѣдовательно проведенная у Саѳы мысль о наклонности еретиковъ, начиная съ гностиковъ, къ театральности въ культѣ, невольно возбуждаетъ вопросъ: не вліяли ли эти еретики, особенно *ихеты* и *аѳониклиты*, черезъ многія столѣтія на «раденья» нашихъ духоборцевъ и сектъ, стоявшихъ отъ нихъ въ зависимости?

3) Этимъ разсказомъ, какъ оказалось, воспользовался и Рамбо въ своей диссертаціи *De circensibus* (стр. 10), но я не могъ достать этой книги.

4) «Представленіе, конечно, не ограничилось однимъ этимъ діалогомъ» (стр. 400).

5) Явное доказательство того, какъ еще «дѣвственна» почва византійской старины и словесности.

отношеніе къ нашимъ скоморохамъ, все существенное эксцерпировано А. Н. Веселовскимъ. Я прибавлю только указаніе на участіе мимовъ въ празднованіи масляницы (у Саѳы стр. 393), которое нельзя не сопоставить съ тѣмъ, что Терещенко [1]) говоритъ о скоморохахъ, которые вмѣстѣ съ ученымъ медвѣдемъ являются въ Сибири спутниками госпожи веселой масляницы.

Переходя съ византійской почвы на русскую, мы прежде всего встрѣчаемся съ фактомъ, который вполнѣ наглядно доказываетъ, что игры скоморошескія были у насъ явленіемъ, заимствованнымъ и заимствованнымъ именно изъ Византіи; только впослѣдствіи, спустившись изъ дворца княжескаго въ народъ, эти игры осложнились тѣмъ, что̀ называютъ «народнымъ обычаемъ» [2]) и стали фактомъ жизни народа русскаго. Я разумѣю фрески лѣстницы Кіевософійскаго собора, которыми воспользовались и академикъ Веселовскій и г. Фаминцынъ. А. Н. Веселовскій прямо говоритъ, что эти фрески изображаютъ «игры, пляску и фиглярство скомороховъ» [3]) и дѣлаетъ предположеніе, что лѣвая половина сохранила память «о кукольникѣ-невроспастѣ, заставлявшемъ двигаться марьонетки при помощи шнурковъ». Г. Фаминцынъ [4]) называетъ эти фрески иллюстраціей къ разсказу житія Ѳеодосія о забавахъ князя Святослава и видитъ здѣсь только музыкантовъ и плясуновъ. Въ самое послѣднее время этими фресками занимался проф. Кондаковъ и два его ученика: гг. Рѣдинъ и Айналовъ [5]). Вотъ что говоритъ о нихъ проф. Кон-

---

1) См. Вс. Миллеръ: Русская масляница и западноевропейскій карнавалъ. М. 1884, стр. 39—40.

2) Разысканія, стр. 203.

3) Ibid. 188.

4) Стр. 10 (Ср. 76) его книги «Скоморохи на Руси».

5) Н. П. Кондаковъ. О фрескахъ лѣстницы кіевософійскаго собора (отд. оттискъ изъ Записокъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общ. т. III. СПб. 1888).

Д. Айналовъ и Е. Рѣдинъ: Кіевософійскій соборъ. Изслѣдованіе древней мозаической и фресковой живописи. СПб. 1889. Втораго сочиненія не могъ знать г. Фаминцынъ, такъ какъ оно вышло въ концѣ года, послѣ его книги.

даковъ: «Сюжетъ фрескового фриза (табл. XIII, рис. 1) даетъ намъ сцену въ собственномъ смыслѣ слова: во дворцѣ, на подмосткахъ, спеціально для того устроенныхъ, ряженые музыканты, паяцы и акробаты даютъ представленіе. Всѣ одѣты, какъ гистріоны.... Музыкантовъ четверо по четыремъ родамъ инструментовъ: σαλπικταί, βουκινάτορες, ἀναχαρισταί καὶ σουρουλισταί; согласно съ древнимъ византійскимъ обычаемъ, музыканты образуютъ хороводъ; внутри хоровода пляшутъ двое; одинъ изъ нихъ съ платкомъ въ лѣвой рукѣ. Одинъ изъ актеровъ тянетъ вверхъ завѣсу, которою былъ закрытъ входъ, чтобы впустить новую смѣну, *паяца и арлекина* (?). Съ правой стороны акробатъ на поясѣ поддерживаетъ шестъ, по которому лѣзетъ мальчикъ, стараясь достать блюдо, искусно удерживаемое на остріѣ шеста....

Но въ сценѣ, изображенной на табл. XIV, рис. 1 [1]), находимъ и собственно ряженье: варваръ съ круглымъ щитомъ и топоромъ идетъ на другого ряженнаго (что̀ называется *козою* (?)) въ мѣховую шкуру —шерстью вверхъ, съ звѣриною головою и держащаго въ рукахъ рогатину [2]). Ключъ къ этимъ фрескамъ проф. Кондаковъ находитъ въ знаменитой 83 гл. I кн. Константина, въ которой описываются такъ называемыя готскія игры, гдѣ выходили δύο Γότθοι φοροῦντες γούνας ἐξ ἀντιστρόφου προσωπα διαφορων εἰδέων. Въ рисункахъ 1 и 2 табл. XII онъ видитъ «препозита или магистра безбородаго и юнаго, надѣвшаго однако, по случаю святокъ, также тюрбанъ, и воздѣвшаго руки. За этимъ приставомъ идетъ бородатый магистръ колядъ въ остроконечномъ тюрбанѣ, держа лѣвою на плечѣ свиную голову, а въ правой рукѣ опущенный свиной окорокъ». Въ сосѣдней сценѣ развиваются тѣ же коляды; у входа стоитъ евнухъ остіарій, давая правою рукою знакъ позволенія; приставъ или препозитъ обращается къ императору; за нимъ пайгніотъ, или колядникъ, несетъ блюдо,

1) Она переписана вся, заключаетъ проф. Кондаковъ, «и трудно сказать, на сколько детали здѣсь вѣрны».

2) Рогатина въ рукѣ чудовища, не говоря уже о формѣ его головы, дѣлаетъ невозможнымъ предположеніе, что оно изображаетъ козу.

можетъ быть, полученное послѣ пира, можетъ быть, для сбора обычныхъ на святочномъ пирѣ денежныхъ раздачъ (ἀποκόμβια), а третьимъ идетъ ловчій» (стр. 6—9).

Статья проф. Кондакова, какъ онъ самъ заявляетъ, есть только «предварительное сообщеніе» къ работѣ гг. Рѣдина и Айналова, и относительно интересующихъ насъ фресокъ книга этихъ авторовъ развиваетъ, кое-гдѣ исправляетъ и обставляетъ многочисленными данными положенія, приведенныя выше (стр. 102—133). Для нашей темы особенно важно то, что авторы говорятъ о платьѣ музыкантовъ, изображенныхъ на фрескахъ. «Всѣ актеры изображены въ одеждахъ скомороховъ; два рода одеждъ различаются и въ этой сценѣ: арфистъ одѣтъ въ длинный, перетянутый поясомъ кафтанъ, который въ XIV—XV ст. извѣстенъ, какъ обычный костюмъ захожихъ скомороховъ-шпильмановъ, паяцовъ на Руси, напр. въ Новгородѣ,—на что указываетъ изображеніе послѣднихъ въ миніатюрахъ [1]). Въ византійскихъ же миніатюрахъ встрѣчаемся и съ первымъ родомъ одежды (короткая туника съ разрѣзными полами) — краснаго, голубого, зеленаго цвѣта (по принадлежности къ тому или другому диму) [2]). Въ византійскихъ же и русскихъ рукописяхъ встрѣчаемся съ изображеніями различнаго рода дѣйствій скомороховъ: скоморохи играютъ на гусляхъ, водятъ звѣрей, борятся и сражаются, трубятъ въ трубы, фиглярствуютъ» [3]) (стр. 119).

Что касается до медальоннаго изображенія борьбы воина противъ человѣка съ головой чудовища на плечахъ (у Конда-

---

1) Авторы ссылаются на «Славянскій и восточный орнаментъ» В. В. Стасова, л. LXV, рис. 23, 24, 25, 15, 16, 17, 35, 37, 33, л. LXVII, рис. 2, LXXIII, 22 и мн. др. Я, къ сожалѣнію, не имѣлъ возможности воспользоваться этимъ важнымъ трудомъ В. В. Стасова.

2) Напр. въ Минеяхъ XI в. Библ. Дахіарскаго мон. на Аѳонѣ (Стасовъ, CXXIV, 25, 26).

3) Стасовъ, л. LXV, р. 24, 29; л. LXXXV, р. 7, 9, 21; л. LXIX, р. 10, 8, 3, 5, л. LXXI, 3 и 4. Ниже (стр. 131) гг. Рѣдинъ и Айналовъ въ томъ же атласѣ В. В. Стасова указываютъ любопытные примѣры того, что «скоморохъ, ѣдущій на грифѣ, въ орнаментѣ замѣняетъ царя на звѣрѣ».

кова табл. 14, № 1), гг. Рѣдинъ и Айналовъ видятъ здѣсь «шуточную святочную игру» (стр. 120) и замѣчаютъ: «борьба съ *учеными* (?) звѣрями повела къ мимическому изображенію борьбы съ переодѣтымъ въ звѣря, какъ на нашей фрескѣ».

Считаю не лишнимъ замѣтить, что такое переряживаніе возникло не на византійской почвѣ, а гораздо ранѣе: извѣстно, что между гладіаторскими играми Рима были напр. и такія: одинъ гладіаторъ, вооруженный острогой и сѣтью, гонялся за другимъ, который изображалъ собою рыбу, на что указывала форма его шлема; при этомъ вооруженный гладіаторъ кричалъ: «Non te peto, piscem peto; quid me fugis, Galle?» Въ Римѣ неравный бой кончался кровопролитіемъ. Въ Византіи въ X—XI вв. отъ подобныхъ жестокихъ «игръ» остались только переживанія: бой тупымъ оружіемъ или просто пантомимическая сцена.

Фигуру съ свиной головой въ одной рукѣ и окорокомъ въ другой гг. Рѣдинъ и Айналовъ (стр. 112) прекрасно обставляютъ указаніями на роль, которую играетъ свинина въ Васильевъ вечеръ.

Что касается спорной фигуры, отдергивающей завѣсу для новой смѣны [1]), по мнѣнію проф. Кондакова, или представляющей кукольника-невроспаста, какъ думаетъ акад. Веселовскій, гг. Рѣдинъ и Айналовъ оставляютъ этотъ вопросъ открытымъ. Взаимное положеніе фигуры и завѣсы, по моему мнѣнію, заставляетъ предполагать, что фигура занята именно отдергиваніемъ завѣсы; но высокая приступка, находящаяся внизу и вовсе не похожая на ступени лѣстницы, какъ будто наводитъ на мысль, что художникъ имѣлъ въ виду написать аванъ-сцену. Впрочемъ мы не знаемъ, не принадлежитъ ли эта приступка реставратору.

Исходя изъ убѣжденія, что *скомрахъ*, *скоморохъ* есть слово греческое—происходитъ ли оно отъ μασχαρᾶς или σκωμμάρχης,—

1) Отчего эта новая смѣна представитъ именно *паяца* и *арлекина*, я не могу понять.

и что скоморохи пришли къ намъ изъ Византіи вмѣстѣ съ другими дарами византійской цивилизаціи, мы, естественно, должны предположить, что слово это на первое время у насъ на Руси имѣло точно опредѣленный, такъ сказать, техническій смыслъ и что скоморохи рѣзко отличались отъ всякихъ другихъ забавниковъ. Какой же это былъ смыслъ и чѣмъ скоморохи отличались отъ музыкантовъ и пѣвцовъ туземныхъ?

За неимѣніемъ достаточнаго количества фактовъ, приходится обратиться къ догадкамъ и предположеніямъ. Слово *скоморохъ* должно было означать нѣчто такое, чего дохристіанская Русь не знала; пѣвцы и музыканты, безъ сомнѣнія, были у насъ; стало быть скоморохи первоначально ни то, ни другое; но у насъ, конечно, не было такихъ фигляровъ, какихъ зналъ Константинополь, и не было представителей театральнаго искусства. Если выбирать между тѣмъ и другимъ, разумѣется, надо отдать преимущество послѣднему, что подтверждается и обѣими этимологіями слова.

Это апріорное заключеніе подтверждается и тѣмъ, что во всѣхъ почти старѣйшихъ памятникахъ, гдѣ упоминаются скоморохи [1]), съ ними рядомъ упоминаются и *русаліи*, въ которыхъ, какъ это несомнѣнно доказано, переряживаніе есть необходимый элементъ. Подтверждается это и тѣмъ, что какъ ни измѣнилось и ни расширилось впослѣдствіи понятіе о скоморохахъ, до XVI и XVII вѣковъ включительно, понятіе о нихъ связывается очень часто съ понятіемъ о *скуратахъ*, *машкарахъ* и *личинахъ* [2]); да и до XIX вѣка дожилъ особый видъ скоморошеской труппы, именно

---

1) Начальная лѣтоп. подъ 1067 г. Поученіе изъ Златоструя (еже не прѣобидѣти цркве бжіа и стыхъ таинъ), Толкованіе къ ап. Павлу XIII в., Вопрошеніе апост., Слово Нифонта и пр. (См. статью А. Н. Веселовскаго «Генварскія русалки и готскія игры въ Византіи» Ж. М. Н. Пр. 1885, сент.), стр. 13, 14. Если знаменитое *москолудство* Луки Жидяты не есть безсмысленная описка, единственное возможное для него объясненіе указываетъ на раннее появленіе у насъ, конечно, искусственнаго театра; о жонглерскомъ театрѣ на западѣ см. Веселовскій о. с. 161—2.

2) Напомню Грознаго и кн. Рѣпнина, надругательство надъ трупомъ Лжедимитрія и пр.

медвѣжья комедія [1]). Нѣкоторыя другія указанія на такую специфическую роль скомороховъ будутъ приведены ниже; теперь же я ограничусь только замѣчаніемъ, что та роль, которую играютъ скоморохи въ былинахъ (точнѣе: въ былинѣ о Добрынѣ, такъ какъ Ставръ [2]), Соловей и пр. являются только гусельниками, а не скоморохами), вовсе не свидѣтельствуетъ противъ высказаннаго положенія, а только доказываетъ, что былина составлена тогда, когда понятіе о скоморохѣ уже значительно расширилось и сравнялось по объему приблизительно съ понятіемъ о западномъ жонглерѣ [3]).

Я не имѣлъ возможности увеличить количество документальнаго русскаго матеріала, который обыкновенно приводятъ [4]) для опредѣленія соціальнаго положенія нашихъ скомороховъ въ концѣ XV и въ XVI столѣтія; но считаю не лишнимъ сдѣлать по поводу его нѣсколько замѣчаній.

Главный матеріалъ доставляютъ жалованныя и уставныя грамоты князей Дмитровскаго, Старицкаго и великихъ князей московскихъ Василія Ивановича и Ивана Васильевича. Всѣ онѣ написаны по одной приблизительно, постепенно развивавшейся формулѣ и всѣ онѣ представляютъ своего рода chartae libertatis: этими грамотами князья предоставляли извѣстной части своихъ подданныхъ разныя льготы, точно опредѣляли ихъ права, и оберегали ихъ отъ притѣсненія своихъ же собственныхъ чиновниковъ и слугъ. Въ числѣ льготъ и правъ поставлено и освобожденіе отъ насильственной игры скомороховъ. Не странно ли это?

---

1) Еще при Аввакумѣ такая труппа кромѣ козы имѣетъ, очевидно, и др. «хари». О воженіи медвѣдей въ Византіи, гдѣ оно было соединено съ другими признаками эллинства, см. между прочимъ А. Павлова: Номоканонъ при большомъ требникѣ. Одесса 1872, стр. 52.

2) Для Ставра гусельная игра только одно изъ средствъ выйдти изъ тюрьмы. По другимъ варьянтамъ онъ выходитъ оттуда, чтобы бороться съ посломъ или играть съ нимъ въ шашки. (См. Гильфердингъ, №№ 21, 109 и др.).

3) О переодѣваньи витязей жонглерами см. у Веселовскаго о. с., стр. 154 и 163.

4) У г. Фаминцына главнымъ образомъ на стр. 142. Разысканія, стр. 184 и 185 и также примѣчаніе.

Вотъ, напр., что̀ мы читаемъ въ уставной грамотѣ 1544 г. Звенигородскаго уѣзда дворцоваго Андреевскаго села крестьянамъ [1]).

«Такожъ есми тѣхъ своихъ крестьянъ пожаловалъ: наши воеводы, князи и дѣти боярскіе, и всякіе *сильные* ѣздоки у нихъ въ селѣ и въ деревняхъ пашенныхъ и въ оброчныхъ не ставятся, и подводъ и проводниковъ и кормовъ своихъ и конскихъ у нихъ не емлютъ; а кто у нихъ станетъ, и они кормовъ своихъ и конскихъ купятъ по цѣнѣ, какъ имъ продадутъ. А на лоси, и на медвѣди, и на лисьи поля къ ловчему нашему не ходятъ. *А скоморохомъ у нихъ въ томъ селѣ и въ деревняхъ силно не играти, а попрошатаемъ, конюхомъ и псаремъ и инымъ попрошатаемъ по тому селу и деревнямъ потому же силно не ѣздити, ни просити ничего, а кто учнетъ по моему* (по тому?) *селу и по деревнямъ того села силно скоморохи играли и попрошатые конюхи и псари и кто нибуди, и язъ тѣхъ людей велѣлъ по селскому того села давати на поруку* да ставити передъ своимъ дворецкимъ Дмитровскимъ» и т. д.

Въ жалованной грамотѣ Старицкаго князя Троицкому Сергіеву монастырю отъ 1548 г. сказано [2]).

«А наши князи, и бояре, и ратные воеводы, и всякіе ѣздоки въ ихъ селѣхъ и въ деревняхъ не ставятся, ни кормовъ, ни подводъ, ни проводниковъ у нихъ не емлютъ силно; а кому у нихъ лучится стати, и они у нихъ кормъ свой и конской купятъ по цѣнѣ, какъ продадутъ, а силно у нихъ не емлютъ ничего. *А псари, и конюхи, и всякіе прошатые въ ихъ селѣхъ и въ деревняхъ не ѣздятъ; и скоморохомъ у нихъ силно не играти.* А боярскимъ людемъ къ нимъ на пиръ и на братчины незваным не ѣздити; а кто къ нимъ на пиръ и на братчины пріѣдетъ незванъ, и они того вышлютъ безпенно» и т. д.

---

1) Акты, собранные въ библіотекахъ и архивахъ Археограф. Эксп. СПб. 1836, I, стр. 180.

2) Ibid. стр. 207.

Такое странное помѣщеніе скомороховъ между княжескими ѣздоками, псарями и конюхами, тоже, повидимому княжескими и людьми боярскими даетъ поводъ думать, что скоморохи, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, по крайней мѣрѣ не всегда были такими вольными, бродячими и безправными людьми, какими ихъ считаютъ изслѣдователи или какими представляются намъ средневѣковые шпильманы и жонглеры, а тоже считались княжескими или боярскими людьми, которыхъ люди земскіе боялись тронуть, чтобы не подвергнуться отвѣтственности. Что эти придворные забавники не всегда живутъ при своихъ господахъ, а бродятъ и ищутъ случая поживиться на счетъ земщины, конечно, насъ удивлять не можетъ: мы знаемъ, что въ томъ же XVI вѣкѣ въ старой веселой Англіи труппы лорда камергера и другихъ вельможъ бродили по городамъ и селамъ и жили на счетъ публики.

Едвали нужно оговариваться, что этихъ скомороховъ съ ихъ «сильной» игрой и англійскія бродячія труппы я вовсе не думаю сравнивать «по существу», а только по отношенію тѣхъ и другихъ къ ихъ высокопоставленнымъ патронамъ: при дворѣ князя Старицкаго, какъ и при дворѣ англійскаго вельможи, безъ сомнѣнія, числилось не мало лишнихъ людей, которые, пользуясь, такъ сказать, правами своей ливреи, часто съ кормовъ господскихъ шли на кормы земскіе. Лишніе люди князя Старицкаго, конюхи ли, псари ли или простые приживальщики, не имѣя возможности заработать кормъ, выпрашивали его, отчего и назывались *прошатаи* или *попрошатые* [1]), а скоморохи добывали себѣ хлѣбъ своимъ, хотя бы и незамысловатымъ, искусствомъ; но, находя слишкомъ мало добровольныхъ его цѣнителей, не прочь были прибѣгнуть и къ принужденію.

Мы имѣемъ пока только одинъ, но несомнѣнный документъ, что въ первой половинѣ XVII вѣка у нашихъ большихъ бояръ, такихъ, какъ князь Иванъ Шуйскій и князь Дмитрій Пожарскій,

---

1) Изъ приведенныхъ текстовъ видно, что считать *попрошатаевъ* «ватагами нищихъ» (Бѣляевъ о. с., стр. 86) нѣтъ возможности.

были свои скоморохи, ходившіе «для своего промыслишку» по свѣту и наживавшіе деньги, по тогдашнему, не малыя (втроемъ 37 рублевъ). Я разумѣю челобитную трехъ боярскихъ скомороховъ, поданную царю Михаилу Ѳедоровичу въ 1633 г. [1]).

Если въ XVII в. были бродячіе скоморохи боярскіе, то развѣ мы не въ правѣ предположить бродячихъ княжескихъ скомороховъ въ XVI вѣкѣ?

Приговорная грамота Троицко-Сергіева монастырскаго собора 1555 г. [2]) различаетъ скомороховъ прохожихъ и осѣдлыхъ; но послѣдніе здѣсь самаго низкаго сорта, — это скоморохи деревенскіе; потому и обращеніе съ ними самое неделикатное. «Не велѣли есмя имъ въ волости держати *скомороховъ*, ни волхвей, ни бабъ ворожей, *ни татей, ни разбойниковъ;* а учнутъ держати и у котораго сотскаго въ его сотной выймутъ скомороха или волхва или бабу ворожею, и на томъ сотскомъ и на его сотной, на стѣ человѣкъ взяти пени десять рублевъ денегъ, а скомороха или волхва, или бабу ворожею, *бивъ да ограбивъ* да выбити изъ волости вонъ; а *прохожихъ скомороховъ въ волость не пущать*». Будутъ ли послѣдніе вольными людьми или скоморохами высокопоставленнаго лица, Троицкому собору все равно: онъ имѣлъ за себя жалованную грамоту 1548 г. Скоморохи волостные попали здѣсь въ одну категорію съ татями и разбойниками, очевидно, не потому, что занимались воровствомъ и грабежомъ, а потому, что монастырское начальство признавало ихъ спеціальность столь же непроизводительною и вредною. Правда, мы имѣемъ свидѣтельство Стоглава (гл. 41, вопросъ 19), что скоморохи ходятъ «совокупясь ватагами многими до 60, до 70 и до ста человѣкъ и по деревнямъ у христіянъ *сильно* ядятъ и пьютъ и изъ клетей животы грабятъ, а по дорогамъ людей разбиваютъ» [3]), но надо обратить вниманіе, что это дѣлается «по дальнимъ странамъ», а

1) Изд. въ Описаніи гор. Шуи, Борисова 451—2; перепечатана у Аѳанасьева Поэт. Воззрѣнія, I, 346—7.

2) Акты I, № 244, стр. 257.

3) Изд. Кожанчикова, стр. 137.

не въ мѣстахъ ихъ осѣдлости и не въ центрахъ жизни, гдѣ бродячій скоморохъ, конечно, могъ стянуть, что плохо лежитъ, но только съ опаскою, и гдѣ ватаги забавниковъ не могли доходить до такихъ размѣровъ.

Много фактовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что Грозный, которому въ 1551 г. бывшій митрополитъ Іоасафъ предлагалъ «извести» скомороховъ, какъ какихъ нибудь вредныхъ животныхъ, (Бѣляевъ 90), во вторую половину своего царствованія чувствовалъ къ ихъ «бѣсовской игрѣ» особое пристрастіе; исторія съ кн. Рѣпнинымъ и упреки Курбскаго доказываютъ, что и при его дворѣ скоморошество было тѣсно соединено съ переряживаніемъ и маскированіемъ. Такъ какъ Грозный вообще имѣлъ влеченіе ко всякой, если можно такъ выразиться, театральности, то обстоятельное изслѣдованіе его придворныхъ забавъ, еслибъ оно только могло пустить въ оборотъ новый матеріалъ, представило бы одну изъ интереснѣйшихъ главъ исторіи скомороховъ на Руси.

Изъ иностранцевъ, писавшихъ о Россіи, какъ предшественники г. Фаминцына, такъ и онъ самъ, сильно эксплуатируютъ Олеарія, который, дѣйствительно, больше всѣхъ даетъ свѣдѣній объ увеселеніяхъ русскихъ [1]). Но кое-что небезынтересное можно найти и у другихъ. Такъ Герберштейнъ (цитирую его по антверпенскому изд. 1557) говоритъ о вожакахъ медвѣдей: въ 1526 г., по его словамъ, былъ такой холодъ, что «многіе бродячіе люди, которые имѣютъ обыкновеніе шататься по этимъ странамъ съ медвѣдями, обученными пляскѣ, были находимы на дорогѣ мертвыми» [2]).

Онъ же говоритъ, что въ 1523 г. «шутъ нѣкій, въ то вре-

---

1) Пользуясь Олеаріемъ, не слѣдуетъ забывать, что онъ не можетъ считаться вполнѣ безпристрастнымъ описателемъ нравовъ нашихъ предковъ: онъ самъ говоритъ, что одно время думалъ остаться на русской службѣ, но потомъ это дѣло разстроилось. Такъ напр. нельзя ему вѣрить, что на нашемъ кукольномъ театрѣ представлялись только грубыя и неприличныя сцены.

2) Multi *circula tores* qui cum ursis ad choreas edoctis in illis regionibus vagari solent, tum mortui in viis reperti sunt (стр. 65).

мя, какъ Шемячичъ въѣзжалъ въ Москву, ходилъ съ метлами и лопатой, и когда его спрашивали, что это означаетъ? онъ отвѣчалъ, что царство еще не очищено, а теперь пришло время вымести всякій соръ» [1]).

Очевидно, это былъ шутъ-скоморохъ великокняжескій, который подготовлялъ общественное мнѣніе къ тому, что имѣло совершить правительство. Чуть-ли это не единственное указаніе на политическую роль русскихъ скомороховъ.

Флетчеръ слишкомъ занятъ серьозными вопросами русской жизни для того, чтобы давать мѣсто такимъ подробностямъ, какъ народныя забавы. Онъ только вскользь говоритъ о шутахъ, которые увеселяютъ царя Ѳедора Ивановича между вечерней и ужиномъ [2]), и нѣсколько выше [3]) описываетъ обрядъ пещного дѣйства. Этимъ описаніемъ воспользовался г. Фаминцынъ такъ же, какъ и болѣе обстоятельнымъ разсказомъ Олеарія о халдеяхъ и самымъ текстомъ дѣйства [4]), по которому онъ полагаетъ возможнымъ «дѣлать заключеніе о характерѣ «позоровъ» или представленій современныхъ халдеямъ скомороховъ»; самыхъ же халдеевъ онъ не считаетъ скоморохами. Ни въ томъ, ни въ другомъ я не могу согласиться съ г. Фаминцынымъ. «Пещное дѣйство» есть образчикъ еще не развитой литургической драмы, подобной наиболѣе раннимъ изъ западныхъ: въ ней больше дѣйствія и хорового пѣнія, чѣмъ діалоговъ и все въ ней происходитъ по твердо установившемуся ритуалу; а сценки, которыя разыгрывали скоморохи, принадлежали къ области народной драмы и въ нихъ экспромптъ, безъ сомнѣнія, игралъ выдающуюся роль. А что халдеи брались изъ скомороховъ и, вѣрнѣе, что скоморохи переодѣвались халдеями,—въ дѣйствѣ участвовало всего два халдея, по

1) *Morio quidam* quo tempore Semetzitz Moscoviam ingrediebatur, scopas et palam circumferebat, qui cum interrogaretur quid sibi hoc apparatu vellet? Imperium principis nondum prorsus purgatum esse respondit; nunc vero commodum tempus verrendi adesse quo feces omnes ejiciendae forent (74).

2) Русскій переводъ К. Н. Оболенскаго, стр. 106.

3) стр. 102.

4) стр. 101—105.

городу же, очевидно, они бѣгали цѣлыми толпами, — можно во первыхъ вывести апріорнымъ путемъ: имъ было такое переряживаніе всего приличнѣе, и во вторыхъ мы имѣемъ косвенное, но весьма важное указаніе изъ Византіи, что во время празднованія календъ въ толпѣ ряженыхъ, бродившей по улицамъ, выдающуюся роль играли агирты, актеры [1]). Почти то самое, что Олеарій разсказываетъ про надругательства нашихъ халдеевъ надъ крестьянами, говоритъ Астерій про приставанье рождественскихъ агиртовъ къ крестьянамъ, приходившимъ въ города имперіи [2]). Это указаніе даетъ намъ возможность отличить въ нашемъ дѣйствѣ двѣ составныя части: церковно-литературную въ томъ, что̀ дѣлалось въ самой церкви въ день, посвященный памяти трехъ отроковъ, и народно-традиціонную въ томъ, что̀ совершалось на улицахъ въ двѣнадцать дней святокъ. Но вопросъ этотъ слишкомъ серьозенъ и сложенъ, чтобы можно было трактовать его мимоходомъ; онъ заводитъ насъ въ область литургической византійской драмы, для исторіи которой Саѳа только началъ собирать матеріалъ.

Въ заключеніе этихъ немногихъ замѣчаній на интересную, но все еще мало обработанную тему, я позволяю себѣ выразить убѣжденіе, что поставить солидно вопросъ объ этой важной сторонѣ древне-русской жизни возможно только соединенными усиліями многихъ работниковъ, которые будутъ собирать и очищать критически документальный матеріалъ, а не варьянты малоустойчивыхъ народныхъ пѣсенъ.

---

1) Σαθα о. с. 66—78. Ср. Веселовскій. Разысканія 138—9.

2) Они были διαχρωμωδούμενοι ἔργοις καὶ λόγοις. Такъ было въ концѣ IV вѣка; что участіе актеровъ не прекратилось и черезъ 8 столѣтій, а только распространилось съ календъ на всѣ святки, доказываетъ намъ приводимая Саѳой выписка изъ Хиліадъ Цецеса (XIII, 475, у Саѳы о. с. 388).